

ГРАЖДАНИН НЕЙТРАЛЬНОЙ ПОЛОСЫ

Дневник — жанр интимный, жестокий и посмертный. Но главное — напрямую связанный с обстоятельствами времени, в которое выпало жить автору.

Разумеется, и предшествующие столетия одаривали драгоценными записками, которые, говоря словом Баратынского, нашли читателя в потомстве. Но лишь XX век с его окаянством и жертвенностью, с его неволей и тайною свободой дал столько «великолепных наблюдателей». Эта линия русской культуры прихотливо пролегла от Блока, Бунина к Вернадскому, Пришвину, Шаламову и далее — к Симонову, Солженицыну, Тендрякову... Ныне, когда ходом литературы управляют, похоже, младшие боги — всевозможные маргинальные жанры, к числу которых относятся дневники и записки, пережень имен неизбежно будет пополняться. Пока же замыкают ряд **Венедикт Ерофеев** и **Сергей Довлатов**, чьи записные книжки только что напечатали соответственно альманах «Конец века» (№ 4, 1992, публикация Галины Ерофеевой) и издательство «Искусство» (СПб).

В предисловии к ерофеевским записным книжкам критик Виктория Шохина с метафизической иронией *fin de siècle* представила себе инспекцию некоего Высшего Ревизора, которому вдруг потребовался бы образчик души русского человека второй половины иссякающего столетия: «И вызовет он к себе душу христианина и алкоголика, гения, люмпена, интеллигента Венедикта Ерофеева. И предъявит ему для ревизии **незачехленная** душа Венички наряду с великой поэмой «Москва — Петушки» и прочими замечательными сочинениями тысячи страниц «Записных книжек». И увидит Вышний Ревизор, что русский человек, в своем наиболее полном развитии, если даже и до полусмерти пьет, то работает — до смерти... И выйдет душа Венички от Великого Ревизора со справкой: «Свободен». Сказано замечательно точно. И попутно сформулирован, как я понимаю, наш ответ на одно прекраснодушное гоголевское упование: «Пушкин... это русский человек в

его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет». То есть уже вот-вот, и как бы пора готовиться к встрече. Только не будет второго Пушкина, да и не нужен еще один Пушкин. И другой Ерофеев не нужен, второй номер хорош только в пулеметном расчете.

«Записные книжки» Довлатова — это два равновеликих цикла, ленинградский и ньюйоркский: «Соло на ундервуде» (1967–1978) и «Соло на IBM» (1967–1990), собранные под одной обложкой, словно два зеркала глядят друг в друга. В отличие от рабочих заготовок Чехова или Ильфа с Петровым довлатовские тексты уже литературно организованный материал, в любой момент готовый к закладке в «типографический снаряд». Почему Виктор Некрасов и рассматривал их как завершённое «собрание новелл, одни из которых занимают полторы строки, а иные растягиваются до целой страницы, но это всегда законченные новеллы со всеми чертами настоящей прозы — изяществом, ясностью, юмором и глубиной». Цитировать их можно без конца, но эта самоигральная миниатюристика двухметрового Довлатова была достаточно растиражирована газетами и журналами. Связное же, слитное ее чтение открывает, из какого речевого сора, из каких фоновых шумов времени вырастают эти стихотворения в прозе. Ныне герои довлатовских историй только по его книге и способны восстановить, где, когда и при каких обстоятельствах слетел у них с языка сюжет для коллекционера жизни. Это и есть профессионализм литератора: веселые сборища, застольные пикировки, невинное или убийственное злословие, ситуативные озарения, счастливые импровизации, легенды, апокрифы и сплетни, оговорки и проговорки, реплики и *bon mot*, в которых кипит наш разум беззаботный, некий безвестный спасатель вырывает у небития и после необходимой сортировки и обработки возвращает в мир в качестве литературного документа, всегда символически значимого, а порой и достигающего хармсианского остранения.

Совершенно иначе выглядят записные книжки Венедикта Ерофеева, которые мы читаем впервые. Это черновой, нередко темный материал рабочих тетрадей с